

РЕЦЕНЗИИ

D. Dobrovolskij, E. Piirainen. Symbole in Sprache und Kultur: Studien zur Phraseologie aus kultursemiotischer Perspektive. Bochum: Universitäts verlag Dr. N. Brockmeyer, 1997 (Studien zur Phraseologie und Parömiologie; 8). 485 S.

Последнее десятилетие нашего века ознаменовалось в Европе всеобщим возобновлением интереса к фольклорной, и вообще – традиционной языковой основе современного менталитета. Это можно объяснить вполне системно: сбор исходного материала в основном закончен, наступает пора системных обобщений. В широкой исторической перспективе сюда относятся "Словарь индоевропейских социальных терминов" [Benveniste 1970; Бенвенист 1995], обширное продолжающееся предприятие – словарь под редакцией Е. Барминьского в Польше (Люблин) и многочисленные более частные монографии и их серии. В отечественной литературе нужно упомянуть словарь [Маковский 1996], а также последнюю по времени обобщающую книгу [Гура 1997] – в ее "Введении" содержится, между прочим, история вопроса с обширным обзором литературы (что избавляет нас здесь от этой задачи).

Рецензируемая русско-германская книга, принадлежащая двум известным исследователям-соавторам – Д.О. Добровольскому (Россия) и Э. Пириайнен (Германия), вписывается в эту актуальную линию изысканий. Будучи основанной на обширнейшем разноэтническом языковом материале, эта работа в германистической части, естественно, опирается на германскую исследовательскую традицию – достаточно упомянуть здесь известное многотомное издание [Handbuch 1987] – и, в теоретической части, – на российскую семиотическую традицию (к сожалению, известную авторам лишь одностронне – о чем будет сказано ниже).

Языковым материалом послужили для авторов наблюдения – в значительной части из первых рук – над русским, немецким, английским, нидерландским, финским, японским языками, а также нижненемецким (Westmünsterländisch) – официально, но не в этнокультурном аспекте – диалектом немецкого языка.

Последнее обстоятельство придает наблюдениям авторов совершенно исключительный интерес и подводит их к важному теоретическому обобщению: разница между литературным языком и диалектом – в плане поставленной проблемы – оказывается существенно более важной, чем разница между литературными языками, например, между современным немецким и японским (с. 427 и сл.).

Теоретическими предпосылками работы для авторов естественно оказываются довольно разнородные, но синтезируемые ими потоки идей: 1) исследование символов в разных культурных традициях (Ф. де Соссюр, К.Г. Юнг, Ц. Тодоров, В.Н. Топоров, А.Ф. Лосев и др.); 2) культурная семиотика (Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский, Б.А. Пятигорский, В. Кох и К. Аймермахер в Германии); 3) теория фразеологии (Х. Бургер в Германии, В.Н. Телия в России); 4) семантическая типология (Т.В. Гамкрелидзе/В.В. Иванов, В. Мидер и др.). В меньшей степени авторы обратили внимание на опыты синтеза, такие, как [Серебренников 1988; Культура 1987] и т.п.

Синтезируя указанный поток идей, авторы, можно сказать, выбирают из него некую "доминанту метода", тогда как ее применение к материалу с последующими очень интересными выводами является их собственной заслугой. Эту доминанту можно, пожалуй, резюмировать так: нигде в языке символы не концентрируются и не сохраняются так устойчиво, как во фразеологии, фразеология – "сгусток символов". Поэтому, как это видно и из заголовка всей книги, "символика" и "фразеология" тесно соединены.

Используя свой многоязычный и "много-типный" материал, авторы далее стараются вычленить в нем зависимые и независимые параметры, такие, как:

а) "общее/необщее культурное наследие", что выясняется, например, из сравнения европейских языков с японским;

б) "общее/необщее генетическое родство", что выясняется из сравнения, скажем, английского, немецкого, нидерландского, с одной стороны, и финского другой;

в) "комбинированное взаимодействие двух параметров" – генетическое и культурно-историческое, общее – неиндоевропейский финский, с одной стороны, и индоевропейские европейские, с другой;

г) "наличие/отсутствие письменной традиции" – немецкий и нидерландский, с одной стороны, и Westmünsterländisch – с другой и т.д.

В значительной степени это и удастся. Подчеркнем, что говоря о "членении" мы, как и сами авторы, имеем в виду именно "ч л е н е н и е п р о б л е м ы", а не композицию книги по главам. О членении проблемы говорят следующие элементы композиции:

2.3. Комбинация типологических параметров; 2.3.0. Общие положения; 2.3.1. Символы *par excellence*; 2.3.2. Языковые символы в отсутствии культурно-символических корреляций; 2.3.3. Символы культуры в отсутствие языковых корреляций; 2.3.4. Псевдосимволы; 3. Символы во фразеологии; 3.1. Классы фразеологизмов, релевантные с точки зрения символов; 3.2. Об относительной семантической автономности компонентов фразеологизма; 3.2.0. Общие замечания; 3.2.1. Членимость vs. нечленимость формально-семантической структуры фразеологизма; 3.2.2. Парадигматическая членимость vs. парадигматико-синтагматическая членимость; 3.2.3. Семантическая автономность отдельных компонентов vs. групп компонентов; 3.2.4. Семантическая значимость компонентов фразеологизма; 3.2.5. Релевантность семантической автономности компонентов фразеологизма с точки зрения их символической интерпретации.

Что касается к о м п о з и ц и и к н и г и по главам, то она такова: 0. Предварительные замечания и цели работы; 1. Теоретические предпосылки; 2. Типология символов; 3. Символы во фразеологии; 4. Анализ эмпирического материала; 4.0. Общие положения; 4.1. Звери как символы; 4.2. Цвета как символы; 4.3. Числа как символы; 5. Выводы и заключение.

Обращают на себя внимание следующие блестящие семантические очерки об отдельных символах.

"Сова": на все культуры европейской традиции повлияли античные представления о сове как символе мудрости. Сова

как культурный символ для англичан, немцев, нидерландцев ассоциируется прежде всего с мудростью. Однако во фразеологию, в чисто языковое достояние, этот компонент как раз не "пробился". Это достаточно редкий случай, когда "культура" и "язык" расходятся: все языки сохранили, помимо этого "внешнего", привнесенного компонента еще и более древний, народный взгляд; во всех названных языках до сего дня имеются фразеологизмы, в которых сова представляется, как раз наоборот, как символ глупости, уродства и всего плохого ("Schlechtigkeit"), в то время как в японском сова – исключительно символ темноты. Таким образом, этот очерк выявляет и еще одну культурно значимую компоненту – "культура" против "природы": все докультурные семы концепта "сова" связаны как раз с прямыми, простейшими народными наблюдениями над природой.

Много нового в очерке "Зеленый". Этот цвет выступает во многих языках как символ "хорошего", "незрелого" – в германских и русском, но также и как символ "зависти" – так в германских и финском, и, наконец, в функции "интенсификатора", как синоним слов *сильно, сильный, большой, много*, ср. *sich grün und gelb ärgern* (букв. "злиться зелено и желто"), аналогично в нидерландском и в Westmünsterländisch, ср. также рус. *тоска зеленая*.

Концепт, связанный с числом "Восемь", почти не представленный в европейских языках, напротив, широко представлен в японском, что естественным образом связано с традициями буддизма и синтоизма, где "восемь" является сакральным числом; это свидетельствует о том, что язык часто коррелирует с культурой, но не обязательно. В этом смысле очерки о "сове" и о числе "восемь" выступают как типологически оппозитивные.

Несколько замечаний критического плана. Как уже было сказано, отечественная традиция недостаточно известна авторам. Между тем, например, "животная линия" представлена широчайшим образом, начиная с классических работ А. Афанасьева (глава "Баснословные сказания о зверях" в [Афанасьев 1994]) до упомянутой новой книги А.В. Гуры (см. его же обзор литературы [Гура 1997]). "Цветовая линия" представлена не менее широко – как специальными работами, например, [Бахилина 1975], так и в сопоставительном плане – [Степанов 1965, ср. § 55, § 135] и др. Более существенным пробелом является то, что не замечена исследовательская линия м е т о д а, представленная такими сериями послед-

них лет, как "Этнографическая библиотека" (с работами [Сумцов 1996; Зеленин 1994]) и "Традиционная духовная культура славян. Современные исследования" (с работами [Толстой 1995; Гура 1997] и др.).

Однако интереснейшие выводы авторов, на наш взгляд, перекрывают эти недостатки. Из выводов же отметим следующие.

1. Исследование символов в языке и культуре противостоит универсализму, поскольку всегда требует тщательных эмпирических исследований национальных культурных традиций, вскрывающих их своеобразие.

2. Из определяющих параметров – перечисленных выше "доминант", по наблюдениям авторов, на первый план выходит противопоставление: влияние письменной традиции и влияние внеписменной культурной традиции.

3. Эти традиции противостоят друг другу, образуя разные культурные слои и по-разному проявляясь в лексической системе языка, в частности во фразеологии.

4. Символы, как они функционируют в языке, не всегда параллельны символам в культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев А. 1994 – Поэтические воззрения славян на природу. I–III. М., 1994.

Бахилина Н.Б. 1975 – История цветообозначений в русском языке. М., 1975.

Бенвенист Э. 1995 – Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.

Гура А.В. 1997 – Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Зеленин Д.К. 1994 – Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994.

Культура 1987 – Культура, человек, картина мира. М., 1987.

Маковский М.М. 1996 – Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.

Серебренников Б.А. 1988 – Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Под ред. Б.А. Серебренникова. М., 1988.

Степанов Ю.С. 1965 – Французская стилистика. М., 1965.

Сумцов Н.Ф. 1996 – Символика славянских обрядов. М., 1996.

Толстой Н.И. 1995 – Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Benveniste E. 1970 – Le vocabulaire des institutions indo-européennes. Paris, 1970.

Handbuch 1987 – Handbuch des deutschen Aberglaubens / Hrsg. Von H. Bächtold-Stäubli, unter Mitwirkung von E. Hoffmann-Krayer. I–X. Berlin; New York, 1987.

Ю.С. Степанов

L.J. Loveday. Language contact in Japan. A socio-linguistic history. Oxford University Press. 1996. 217 p.

Автор книги, Л.Дж. Лавди – американский социолингвист, в настоящее время работающий в Японии (профессор университета Досея). В течение последнего десятилетия он активно печатается по вопросам японской социолингвистики и сейчас считается ведущим американским специалистом в этой области. К настоящему времени в США социолингвистика уже окончательно выделилась в особую научную дисциплину, и ученые в этой области (Л.Дж. Лавди – здесь один из образцов) сочетают в себе хорошее владение терминологией и методикой социолингвистических исследований с малым интересом к собственно лингвистике и с явными недостатками в соответствующей подготовке (в книге можно найти поразительные примеры вроде того, что в списке допустимых сочетаний согласных в японском языке на стр. 116 имеется ts, тогда как звонкий коррелят этой аффрикаты, обозначаемый в транскрипции z, в список уже не входит). Однако не это главное. Данная кни-

га, специально посвященная языковым контактам в прошлом и настоящем Японии, содержит интересный материал и вполне разумные выводы.

Книга состоит из семи глав, каждая из которых, как указывает автор, может читаться отдельно. Первая глава содержит теорию языковых контактов (в ней мало нового по сравнению с уже сложившейся в американской лингвистике традицией), вторая посвящена контактам японского языка с языками Азии, прежде всего китайским. Остальные пять глав, занимающие большую часть книги (стр. 47–211), исследуют контакты японского языка с западными языками, среди которых особую роль играл и играет английский.

Описание процесса заимствования иероглифики и лексики из китайского языка в японский в VII–X вв. и дальнейшего функционирования китаизмов в японском языке не содержит ранее не известных фактов, однако выводы Л.Дж. Лавди заслуживают